Глава 5. Джокер, что сидит в тишине

… Я выгляжу ужасно.

Утром, глядя на лицо, отражённое в зеркале в ванной, я так и подумал.

Тёмные мешки были навалены под моими глазами. Мои щёки немного похудели, мои губы стали шероховатыми и потрескавшимися, всё лицо не имело цвета, вокруг моих бровей скопились прыщи.

Когда Сора была жива, я видел своё собственное лицо улыбающимся, даже если ничего особенного не произошло.

Но теперь я начал выглядеть прямо как больной человек.

Убив человека, которого я любил, своими же руками, на мне было лицо грешника.

Прошлой ночью Маки-тян объяснила мне цену карты, сказала, что она снова будет искать Руму, и исчезла. На этот раз она не стала говорить: «Скажи мне, если найдёшь её». Я пытался убежать от пронизывающей правды, потому что я не слушал её слов.

Цена карты.

Вместо того, чтобы несчастье случалось со мной, несчастье случалось с окружающими меня людьми.

Это теория старой девы.

Несчастье джокера, возвращающегося ко мне, просто вырываемое у людей в непосредственной близости ко мне: Соры, Момидзи и бучо. Из-за так называемой «читерской» силы Маки-тян, джокер просто принудительно переходит на важных мне людей.

Никто не осознавал это, ни я, ни люди, которые нарисовали карту.

И вот, теперь, осознав это, я продолжаю «читерить».

«Сегодня тебя вызовут в классе, но ты не сможешь ответить. Подготовьтесь к уроку заранее»

Вот такое будущее появилось на карте после исчезновения Маки-тян, поэтому в автобусе по дороге в школу, держась за ремешок автобуса, я читал свой учебник.

Я прекрасно знаю, насколько я чахлый человек.

Не отвечу, хотя меня вызовут? Меня это не волнует.

Но… я хочу повиноваться карте.

У меня нет смелости перепрыгнуть через уже определившееся несчастье, скудное, но всё же определившееся несчастье.

И вот так, кое-кто ещё снова испытывает несчастье.

Если подумать об этом сейчас, я счастлив?

Ещё до того, как мы с Сорой начали встречаться, ещё до того, как я заполучил карту.

Когда моя жизнь была окутана счастьем, чем-то реально маленьким, например, ненастным дождём, и я получал плохую оценку при неожиданной самостоятельной работе, я не чувствовал себя по-настоящему несчастным из-за них. Даже если бы я избегал их, по крайней мере цена была бы не такой тягостной.

Однако после смерти Соры, а вместе с ней и смерти моего счастья, я уже и не знаю, какой статус у меня есть с чем-то вроде счастья, это похоже на невероятно тривиальное несчастье, которое ощущается тяжёлым, в результате чего несчастье, которое приключается с близкими мне людьми, и которые компенсируют его, стало настолько большим, что обрело видимую форму.

… Что такое счастье?

Вот о чём я сейчас думаю.

Когда я был вместе с Сорой, я о таком не задумывался.

Я не задумывался о том, что такое счастье, возможно, потому что я уже был «счастлив».

Даже если бы я знал сейчас, это бессмысленно.

Я медленно закрыл учебник по математике.

Вероятнее всего, я полностью отстал от сегодняшнего урока.

Благодаря этому я избегаю несчастья.

Благодаря этому несчастье снова случается с кем-то ещё.

◊

Во время перемены мой классный руководитель позвал меня в коридор.

— Сидо…… у тебя всё нормально?

Глядя на моё лицо, все спрашивали: «У тебя всё нормально?».

Момидзи, мои бабушка с дедушкой и Акито. На это…

— У меня всё нормально.

… вот что я решил отвечать.

После чего все делали лицо, типа «вот уж не похоже».

Если бы вы только строили догадки на том, как я выгляжу, то вам не стоит спрашивать.

— Вот как… Может, если с тобой всё нормально, попробуешь сходить на консультацию к психологу, которого знает сенсей?

— На консультацию, учитель?

— Да. Я понимаю, что на тебя много чего навалилось, это может помочь тебе почувствовать себя немного лучше.

В восточной старшей школе Курихара есть «школьный консультант». Сенсей подумал, что мне это не помешает. По-видимому, ему казалось, что у меня психическое расстройство. В принципе, я не могу этого отрицать.

Если бы я хотел вылечиться, то я бы определённо выкинул карту куда подальше. У карты нет срока ограничения, и я продолжаю смотреть на неё. Из-за его я продолжаю полагаться на неё.

Но если это произойдёт, я могу сломаться.

Меня сдавливает страх завтрашнего дня, которого я не вижу.

— Большое вам спасибо. Я подумаю об этом, учитель.

Я поклонился и ушёл.

Несмотря на то, что я пытался кое-как улыбнуться, судя по выражению лица сэнсэя, мне показалось, что я не смог правильно улыбнуться. С этим ничего не поделаешь.

… Эй. Ты чего делаешь? Это же был шанс, которого ты ждал.

Кто-то высказал глубоко в моём сердце.

И не поспоришь, это был шанс. Шанс выбросить карту.

Пока я полагаюсь на неё, я не могу двигаться дальше. Пока люди вокруг меня испытывают несчастье, я должен продолжать пробиваться сквозь болото вины.

Но я боюсь. Каждую ночь, я всё думаю про себя, чтобы и на этот раз моя смерть не была предсказана на карте.

Страшась смерти, я не могу перестать переворачивать карту.

◊

Я посмотрел вверх, небо было ясно синим.

Зимний воздух был безмятежным, мне казалось, что я мог наблюдать далеко-далеко от неба.

Небо. Сора. И того, и другого мои руки не могли достичь.

п/п: Сора (□) означает «небо»

Сейчас было обеденное время. Я взобрался на крышу школы.

Крыша восточной старшей школы Курихара была в основном открытой. Когда наступает весна и лето, многие учащиеся обедают здесь, в это время года, когда холодный ветер казался пронизывающим кожу, сейчас было не так много людей, которые специально приходят на крышу, и насколько я вижу, единственный, кто был на крыше — это я.

Ограда по краям крыши высокая, она устойчивая. Ограда высокая из-за того, что крыша открыта для учащихся, или она открыта для студентов из-за того, что ограда высокая, — я всё интересовался, которое из этого.

… Интересно, можно ли на неё взобраться?

Глядя на ограду, — я думал о таком.

Глядя на мою руку, схватившую двойную проволочную сетку, мой ноготь на большом пальце сломался.

Я заметил, что в последнее время я обычно грызу ноготь на большом пальце. Я чувствую боль в передних зубах, в задних зубах и иногда на большом пальце, и даже если я истекаю кровью, я кусаю. Моя плохая привычка снова вернулась. Признак сильного стресса.

Стресс. По-моему, это в некотором роде лёгкий термин, мне он не нравится.

Ограда была построена где-то два метра внутрь крыши. Так что, даже не перелезая через забор, было бы трудно увидеть землю.

Я не должен смотреть, если это 6 этажей, то это уже достаточно высоко, — подумал я.

Достаточно высоко, чтобы убиться, — подумал я.

… Но даже так, у меня нет смелости для этого.

Кто-то издевательски смеялся.

Точно. У меня же нет смелости для этого. Даже при том, что я приношу кому-то несчастье, я всё никак не могу выбросить карту, — вот и доказательство.

Я боюсь умереть. Я не хочу умирать.

Поэтому, я продолжаю переворачивать карту. Чтобы избежать несчастья смерти.

Но, зная, что каждый раз с кем-то случается несчастье, меня изводит чувство вины.

Таким образом, на меня напало чувство грозного предзнаменования, я должен умереть, коли это так.

Всё повторяется. Всё идёт по кругу. Крутится по бесконечной спирали.

На меня больше не нападают флэшбеки. Ситуация со смертью моих родителей не придёт в голову, если я просто проигнорирую её. Я много раз видел, как моё тело накладывалось на эти тела. Это предвидение усиливало мой страх смерти.

Что я должен делать?

Я просто… хотел жить в мире. То, как я сейчас живу, невероятно мирно, хотя настолько тихо, что печально, но это отличается от того мира, который я желал.

Правильно. Отличается. Я хотел быть счастливым.

Я неправильно понимал, думая, что я буду счастлив, если всё мирно.

И, что мне теперь делать, чтобы быть счастливым?

Соры нет.

Я слишком опоздал. Я не могу быть счастливым в мире без Соры…

— … Ах.

Я заметил, я снова прикусил свой ноготь большого пальца.

Из открытого пореза моего большого пальца, красная капля стекала по моему пальцу.

— Нацухико!?

Вскрикнул громкий голос. Я вскочил и повернулся к тому месту, откуда пришёл голос.

— … Акито?

Акито стоял у входа на крышу. У его ног была уронена виниловая сумка с хлебом внутри.

Он широко открыл глаза и подбежал ко мне с демоноподобным видом.

— Ты идиот! Ты что творишь!?

— У-уао!?

Схватив моё плечо изо всех сил, он оторвал меня от ограды.

Он был в бешенстве. Акито был очень зол. Почему?

— Если ты это сделаешь, то что дальше?! Думаешь Фусими захочется этого? Больше так не шути!

Теперь у него было выражение, как будто он собирался ударить меня. Однако в его глазах образовались слёзы.

— Ты идиот…..! Если бы ты умер, то что бы случилось…

— Аки… то…..

Крупные капли стекали по его щекам, я наконец осознал.

Акито всё неправильно понял, он подумал, что я собираюсь покончить с собой.

Я не обращал на себя внимание, а ведь я схватился за забор, словно собирался умереть.

— Нет…… ты ошибаешься. Я не собирался убивать себя или что-то ещё…….. — недолго думая, я выразил самоуничижительную улыбку. — У меня нет смелости на такое…

Ни смелости умереть, ни смелости выбросить карту, ничего, только трусость.

Вот что я такое.

— Смелости, м-да…

На секунду Акито выразил облегчение.

— … Это совсем не смело!

Показав ещё больше гнева, чем недавно, он крикнул.

— Убивать себя — храбрость!? Ты вообще не можешь звать что-то такое храбростью!

Оба моих схваченных плеча нагрелись. Как будто его ярость передавалась в них.

— Послушай, живи, Нацухико. Я знаю, тебе тяжело. Так что ничего страшного, если ты не можешь улыбаться, но, пожалуйста, живи. Я бы опечалился, если бы ты умер, Нацухико. Та же печаль, что ты испытал, когда умерла Фусими… так что, пожалуйста.

— Акито…

— Я умоляю тебя. Если у тебя есть хотя бы самая крупица этой смелости, выброс её. Живи. Ради меня… ради нас… — голос Акито, постепенно становился слезливым.

Свесив свою голову, я не видел его лица, но знал, что из его глаз текут слёзы.

… Пожалуйста, живи ради нас.

Когда я услышал эти слова, я сразу понял.

Они существуют. Люди, которым было бы печально, если бы я умер.

Акито, Момидзи, мои бабушка с дедушкой, а также родители Соры и члены клуба настольных игр.

Люди, которые беспокоились обо мне, спрашивали: «С тобой всё в нормально?», когда они видели меня с ужасным лицом.

— …Но я…

Очень тихим голосом, которого Акито не мог расслышать, я пробормотал.

… Но я принесу несчастье этим людям.

Продолжая использовать карту, продолжая убегать от несчастья, как цена — людям будет печально, если я умру, им будет больно.

Я чувствовал, как будто я собирался расплакаться.

Слова Акито сделали меня счастливым, тот факт, что, несмотря на то, что Сора умерла, ещё есть близкие мне люди, делал меня счастливым, но моя слабость, которая означает, что я должен причинять боль этим людям, презренна.

Было бы славно, если бы я не пожелал. Было бы славно, если бы я никогда не получал ничего, вроде карты.

Я собирался расплакаться от сожаления, которое я сейчас испытывал. Вместо этого я сказал.

— … Спасибо. Акито, — я выразил улыбку, лучшую, на какую был способен. — Я в порядке. Так что я не умру. — я коснулся руки Акито, которая схватила меня за плечо. Обессиленная рука медленно опустилась.

— Нацухико, ты…

Подняв лицо, глаза Акито стали ярко-красными.

Это моя вина. Неважно что, это моя вина.

— Прости, Акито. Я пока пойду…

Я буду соблюдать дистанцию, — подумал я.

Несчастье, которого я избегаю, обрушивается на близких мне людей. Поскольку я не могу выбросить карту, я должен отдалиться от важных мне людей.

Поскольку Акито важен для меня, я не должен быть рядом с Акито.

Придерживаясь такой мысли, я попытался покинуть крышу.

— ….Подожди секунду!

Акито схватил меня за руку и остановил.

Его рука была большой, сильной и горячей, как будто была в огне.

Развернувшись к Акито, он смотрел на меня. У него был серьёзный взгляд.

— Дело же не только в Фусими, да?

— М-м…

— Я прав? Тебя что-то причиняет боль, и это не только из-за Фусими, верно? Эй!

Я стряхнул. Мою руку и моё сердце… ради Акито.

— Я думал, что тут что-то странное. Ты измотан, так ведь? Я думал, что с этим ничего не поделаешь, я думал, что время всё уладит. Но тебе становилось всё хуже и хуже. Что-то же произошло? Что-то помимо Фусими причиняет тебе боль!

Моё зрение стало расплывчатым. Слезы скапливались в моих глазах.

Я слабый. Настолько слабый. Хотя я прекрасно осознавал, что не должен, я пытался взять руку помощи, которую Акито отчаянно протянул мне.

— Поговори со мной! Расскажи мне! Я хочу твоей силы, Нацухико!

Я наверняка уже на пределе.

Я слабый, настолько, что не смог оправиться от потери Соры и смерти моих родителей.

Потеряв Сору, которая поддерживала меня, я не был способен на что-то такое, как держаться один.

— Нацухико!? Ты в порядке!?

Как будто я собирался свалиться на пол, Акито поддержал меня.

Я не замечал. Я просто не знал об этом: он всегда меня поддерживал.

Горячие капли выплеснулись из моих глаз. Это мой шанс.

— У меня был сон…

Слова по собственной воле вывалилась из моего рта.

Я больше не мог остановиться.

◊

— Вот как…

Сидя рядом со мной, Акито вздохнул, пока глядел на небо.

На крыше сделана скамейка. Акито и я сидели рядом друг с другом. Посадочное место до сих пор было охлаждённым на зимнем воздухе. Поскольку я пытался согреться, моя речь была не очень связной.

— … Ага.

Я сказал, глядя вниз.

Я не мог смотреть в лицо Акито. Представляя, что у него за выражение он пугал меня.

Я начал с разговора о сне, в котором появилась Маки-тян, и остановился на том моменте, про который я узнал вчера вечером, моё психическое состояние, вероятно, было близко к грешнику, признававшемуся богу.

Было много облегчения, но подобным образом и большой объём сожалений.

… Я рад, что рассказал ему.

… Я не должен был рассказывать ему.

Эти два чувства сосуществовали и ссорились друг с другом.

Интересно, что думает Акито? Смерть Соры также огорчила его. Если это так, он должен ненавидеть меня, того, кто косвенно убил Сору.

Я знал, что всё моё тело дрожало. И это было не из-за холодного ветерка.

— Фусими…

Моё плечо внезапно подпрыгнуло при голосе Акито.

— … Не винит тебя, Нацухико.

Я посмотрел на лицо Акито. Он улыбался, глядя на небо.

— Это же очевидно, разве нет? Окажись ты в противоположной позиции, что бы ты подумал? Если у Фусими была карта предсказания будущего, и Фусими избежала своей собственной смерти, а вместо этого умер ты, а, Нацухико? Ты бы ненавидел Фусими?

Я не мог говорить. Я не думал об этом раньше.

Итак, я попытался подумать.

Если бы мне пришлось пожертвовать собой, чтобы выжить Соре.

Я не мог её ненавидеть. Я, наверное, буду рад. Что Сора могла жить.

— Ну? Фусими, вероятно, чувствовала бы то же самое.

Говоря так, словно он прочитал мои мысли, Акито повернулся ко мне.

— Со стороны все знали, что ты и Фусими любите друг друга. Или я должен сказать, любили друг друга.

Сделав стеснительное лицо, Акито щёлкнул меня по лбу.

— Я говорю тебе из-за того, что ты страдаешь, но Фусими не будет ненавидеть тебя. Ты хочешь, чтобы люди, которых ты любишь, жили. И нет ничего чего ты хочешь больше всего, чем это.

«Возможно», — добавил он, Акито улыбнулся, показывая зубы.

Может быть, я чувствовал себя трусом, думая так.

Однако, если бы карта предсказала смерть Соры, а средством, чтобы избежать её, была только моя смерть, я бы умер за Сору.

Я бы точно умер… так я думал. Думается что сейчас, хотя, может быть, я бы не стал.

— Но это интересно, предсказание будущего.

Лёгкий голос Акито заставил меня улыбнуться.

— … Ну да. Акито, ты всё ещё веришь мне?

— Я верю тебе. Кажется, тебе было очень тяжело. Ты что, не замечал?

— Немного. Этим утром, когда я пошёл умыться, я подумал: «Я выгляжу ужасно».

Интересно, как я выгляжу сейчас. Наверное, немного получше.

Подумав о чём-то таком — это хорошее изменение для меня.

— … Нацухико, это не твоя вина, — сказал Акито, снова глядя на небо.

— Может быть…

— Я имею в виду в целом. Я бы сделал то же самое. Переживать несчастья, умирать — это то, что ненавидят все. Люди, близкие тебе выживают, благодаря тому, что ты умер, только если не эти огромные обстоятельства…

Это слова я хотел услышать больше всего.

Оглядываясь назад, я чувствовал, что Акито всегда говорил мне слова, которые я хотел услышать больше всего.

— Я спрашиваю себя, стоит ли мне выбрасывать карту?

— Это зависит от тебя.

— Но! Если я избегу несчастья, кто-то ещё испытает его из-за этого! Момидзи, дедуля, бабуля, а ещё… даже ты, Акито.

— Не тупи, — Акито рассмеялся и снова ткнул меня в лоб. — Это не имеет значения. Если это делает моего друга счастливым, я добровольно водружу самую малость твоего несчастья.

Мне казалось, что это, наверное, было полушутя.

Однако я был рад. Я был рад тому, что он сказал мне.

— Правда, спасибо тебе. Акито.

— Да без проблем. Если я скажу приходить и докучать мне столько, сколько захочешь, когда ты будешь волноваться, то я просто приму меры предосторожности.

— Ок. Я всегда могу положиться на тебя.

Я сильно кивнул Акито, который смущенно улыбнулся, почесывая нос.

— Обеденное время скоро закончится. Давай вернёмся в класс… ой, мы ж хлеб забыли.

Акито встал и взял виниловую сумку, которую он уронил.

— П-прости. Меня занесло в разговоре…

— Всё норм, всё норм. Они в сумке, так что они в порядке. Кроме того, если ты достаточно скиловый, мы можем их незаметно схомячить на наших послеобеденных занятиях, лады?

Акито ухмыльнулся, я тоже улыбнулся. Наш обычный обмен фраз.

Совсем чуть-чуть я почувствовал, как моё сердце стало легче.

Мы вместе зашли под навес на крыше, и когда начали спускаться по лестнице…

— … Эй, Нацухико.

Акито остановился и позвал меня по имени.

Стоя на лестнице, я обернулся к нему.

— Ты знаешь, что такое «карма»?

Выражение лица Акито подсвечивалось сзади, так что я не мог хорошо его разглядеть.

— Подходящее награда, которая даруется людям за их поступки… вот что это за слово.

Я кивнул.

Я знал значение этого слова. Почему он вдруг начал говорить об этом, я не знаю.

— Нацухико, ты уже давно терпишь неудачу, не правда ли? Награда за это несчастье должна быть скоро вручена тебе, так ведь?

— …Награда?

— Именно. Подходящая награда для тебя на данный момент, Нацухико.

Солнце слегка затуманилось, я смог разглядеть лицо Акито. Он улыбался.

Подумав немного, я понял. Акито говорил, что я счастлив. Я должен получить счастье в качестве награды для той части меня, которая испытывает несчастье, вот что он имеет в виду.

— Спасибо. Я рад, что ты сказал мне это.

Даже если я не знаю, имею ли я какое-либо право быть счастливым.

— Правильно. Что ж, тогда я рад, — он сказал, улыбаясь, Акито побежал вниз по лестнице.

Я также последовал за ним.

В холодном холле лестницы был слышен только звук двух человек.

◊

Ужин в тот день был вкуснее, нежели обычно.

Я думал, что обычные пейзажи по дороге домой, также чувствуются более идеально со вчерашнего дня.

Существование Акито, его слова — они могли изменить мой мир.

— … Странно.

Поскольку моё состояние внезапно изменилось, у Момидзи постоянно было озадаченное выражение. Однако, я определённо чувствовал, что в нём крылось облегчение. Мои дедушка с бабушкой тоже были такими же.

Мой разум как-то освободился. Можно даже сказать, что я освободился от стресса.

На самом деле, кое-что пока не решено: я не выбросил карту. Страх неизвестного завтрашнего дня, страх принести людям важное для меня несчастье, — эти два противоречивых страха застряли у меня в голове, их нельзя было вот так легко отрезать.

Но, самую малость, я немного успокоился. Впрочем, у меня не было уверенности, что это нехватка собственной уверенности

Около 11 вечера я держал карту в своей комнате.

Если будущее, которое появляется на карте — тривиальное несчастье, к примеру, неожиданное испытание или чем-то таким же несчастным, я могу перестать его избегать, — подумал я. А если это так, то несчастье, которого я избегаю, не обрушится на кого-то другого.

… Вот именно, я это сделаю.

Ничего страшного, если карта, которую я нарисовал — джокер.

Если я буду играть в старую деву со всеми, даже если чуток.

Начав чувствовать себя позитивно, я перевернул карту предсказания будущего.

«Завтра, на тебя нападёт случайный злоумышленник по дороге домой из школы, и ты умрёшь. Не ходи в школу»

На мгновение я почувствовал, что время остановилось.

Каждый звук в комнате стал далёким, только звук моего грубого дыхания привлёк мои уши.

Карта слегка покачнулась. Нет, это мои руки дрожали.

— Нападёт случайный злоумышленник… и умрёшь.

Как будто я это подтверждал, я произнес предложение, которое появилось на карте.

Как и за день до смерти Соры, — первое предсказание смерти.

Предсказания будущего безупречны. Если я не буду применять средства, чтобы избежать его, завтра я обязательно умру.

— … Ха, ха-ха-ха.

Я засмеялся. Я почувствовал, как мой рот дрогнул.

В конце концов, это не смешно. Количество дурачества, которое я занимал, было забавным.

Я и забыл. Чудовище под названием смерть скрывается во тьме, известном как завтра.

Когда я увидел его, когда мои родители умерли семь лет назад, я должен был понять.

Поскольку я боялся этого, я желал мира и мне даровали предсказанием будущего.

— … Я не хочу умирать.

Просочившееся из моего рта, было желание моих истинных чувств.

Средства, чтобы даровать это беспрепятственно. Если я не пойду в школу и буду повиноваться карте со мной всё будет в хорошо.

Но, поступая так, несчастье, которого я избегаю, нападёт на кого-то из моего ближайшего окружения. Момидзи, или Акито, или мои бабушка с дедушкой, или даже кто-то ещё.

Я не знаю, умрёт ли тот, кого я люблю. Вместо меня.

Акито сказал:

«Ты хочешь, чтобы люди, которых ты любишь, жили. И нет ничего чего ты хочешь больше всего, чем это»

Сказал он, и таким образом Сора не могла ненавидеть меня.

Когда я услышал это, я призадумался. Я спросил, не умру ли я за Сору слишком поздно, я

должен был подумать, что обязательно умру.

Однако у меня даже не было этой решимости, я просто представил это.

Теперь я искренне испугался, зарезанный реалией смерти перед моими глазами.

— … Прости… Прости… Прости… Прости…

Крупко схватив карту, я повторял извинения, которые никому не адресовались.

На следующий день я притворился, что заболел и взял отгул.

Вечером зазвонил домашний телефон.

Дедуля работал, бабуля отсутствовала. Я спустился на первый этаж, с чувством головокружения. Хоть я и планировал притворяться, но моё тело по правде сказать чувствовало себя плохо. Я был морально утомлён или это было бременем для моего тела.

Я пошёл поднять трубку, это был мой классный руководитель.

— В классе естествознания произошёл взрыв, — сказал сэнсэй, в то время как его голос дрожал.

Он сказал, что это произошло во время химического эксперимента. Причиной была утечка газа, многие из моих одноклассников получили тяжёлые ранения, похоже, что завтра школа будет закрыта.

Сэнсэй сказал мне имена раненых школьников в порядке посещаемости. В них не было имени Акито.

— … А что-нибудь ещё, учитель?

— Что? Н-нет, просто несчастный случай, но…

— Понятно. Спасибо, что выкроили для меня время сообщить мне.

Я повесил трубку, не дожидаясь ответа сэнсэя.

По моим собственным эмоциям ощущалось, что я не могу двигаться, как будто я собирался умереть. Это не было ни удивлением, ни грустью. Вероятно, это был своего рода защитный

механизм. Чтобы я не покончил с собой из-за вины.

Вместо этого двигались только рассуждения.

Когда несчастье смерти, которого я избежал, случается с одним человеком, они переживают смерть в равной степени. Тем не менее, похоже, что несчастье распределилось между несколькими людьми, которые только получили тяжёлые травмы.

Прямо так, будто это чья-то проблема, — вот что я думал.

Снова наступила ночь, и я снова взял карту.

На поверхности, отражающей и подсвечиваемой светом люминесцентной лампы, было написано это.

«Завтра ты будешь вовлечён в ограбление круглосуточного магазина и умрёшь. Не подходи близко к магазину»

Сначала я пробежался глазами по ней, затем в второй раз, и прочитал её.

Но этого было недостаточно, в очередной раз, мой взгляд скользнул по содержимому карты.

— Буду вовлечён в ограбление круглосуточного магазина, умру.

Я тоже попытался это сказать. Но… всё же… я не понял.

Что это? Предсказание смерти два дня подряд? Это…

— … Невероятно.

Что за надёжность. В наших жизнях сокрыто так много таких смертей. Не говоря уже о ограблении круглосуточного магазина. Это был наугад выбранный нападающий что и раньше. Город Хатиодзи, должно быть, стал преступным городом, а я и не подозреваю.

Но предсказание будущего абсолютно.

Насколько маловероятно, что завтра произойдёт ограбление круглосуточного магазина.

Если я не буду оставаться верен инструкциям карты.

— Простите…

Я извинялся перед теми, на кого вместо этого возляжет тяжёлое бремя несчастья.

Как будто я пытался изолировать себя от мира, я натянул футон на голову и уснул.

На следующий день. Я провёл день, не выходя из дома ни на шаг.

Помощь бабуле по дому, подготовка к завтрашнему уроку и уборка моей комнаты без особой на то причины. Делая много вещей, я не думал о плохих вещах. И пока я делал эти вещи, кто-то уже мог успеть получить несчастье вместо меня, я же старался не думать об этом.

По ночным новостям я впервые за долгое время увидел имя журналиста Дзиро Асаи.

Это было в новостях про ДТП.

Сегодня поздно вечером Дзиро Асаи сбил грузовиком и погиб. Было сказано, что во время аварии водитель был пьян.

Последними днями этого человека было то, что он перестал двигаться дальше, одержимый жаждой мести.

Ситуация сложилась аналогичным образом, как и трагедия смерти его дочери, которая и побудила его жажду мести.

Глядя на невероятно короткие новости, я подумал…

… Дзиро Асаи был классифицирован как «близкий мне» человек.

Этот факт меня слегка удивил. Не считая этого, у меня не было особых мыслей по этому поводу.

Наступил третий день подряд, я даже не начал сомневаться.

«Завтра ты упадёшь с крыши школы и умрёшь. Не поднимайся на крышу школы»

Предсказание смерти появилось снова. Я перестал извиняться перед тем как пойти спать.

Открывшись после приостановления, школа на пустом месте погрузилась в мрачную атмосферу. Средства массовой информации были битком набиты за школьными воротами,

поэтому, входя через задние ворота, я посмотрел на главную часть школы, вокруг окна класса естествознания, я мог видеть следы ожогов.

Настроение в классе стало даже ещё более удручающим. Не было никакой волнительной болтовни, при том что в кабинете не было классрука, все послушно сидели на своих местах.

— Йо-о, Нацухико. Тебе сегодня лучше?

Сказал он, слегка приподняв свою правую руку, и у Акито появилась тень улыбки. У него были слабые мешки под глазами, должно быть, он беспокоился о травмах нашего одноклассника, — подумал я.

Классный руководитель, который наконец-то пришёл в класс, через силу старался вести себя ярко. Я ясно осознавал, что он ведет себя с юморком, пытаясь воодушевить учащихся, на это было так жалко смотреть. Должно быть, это ужасно для преподавателей, которые находятся под следствием — кто же понесёт ответственность, у учеников же не было места для беспокойства по этому поводу.

Следуя буквам карты, целый день, я и близко не подходил к крыше.

После школы наш класс занимался уборкой в спортзале. Дежурство по уборке в спортзале является системой поочерёдного дежурства для классов.

Спортзал восточной старшей школы Курихара был реконструирован только три года назад. Фишка системы состоит в том, что все пятьсот сидений автоматически складываются внутрь стен. Уборка — это, прежде всего, выход складываемых сидений, складывание сидений после уборки территории, а затем уборка всего спортзала, в котором работает приток людей.

Несчастный случай произошёл, когда закончилась уборка сидений, это произошло вокруг места складываемых сидений.

Сначала я услышал пронзительный вопль.

Я и Акито, вытирая тряпками верхнюю часть ступеней, подумали «что это было» и посмотрели, откуда донёсся голос.

Под автоматически складывающимися сиденьями. В пространстве между каркасом, поддерживающим стульями и стену, между ними что-то было поймано.

И присмотревшись, это была нижняя часть человеческого тела.

Не школьника, нижняя половина, одетая в джерси, которую носят учителя, вообще не

двигалась.

Школьники рядом шокировано смотрели на это.

— … Остановите их, быстрее! Нажмите кнопку аварийной остановки!

Стоявший рядом со мной Акито встал и побежал, пока кричал.

К панели в стене, в которую складываются сиденья, он нажал красную кнопку.

Но стулья не остановились. Он нажал несколько раз. Они не остановятся.

Сиденья безжалостно пытались обосноваться обратно в стену, они прижимались к нижней половине, застрявшей между ними.

Хлюп, разлетелись брызги крови.

Возникли крики. Девочек и мальчишек, кричали все. Акито рыкнул на них.

— Сука! Позовите… позовите другого учителя!

Врезав по спине близстоящего парня, Акито взялся за складывающиеся сиденья и попытался остановить их своими силами. Он и так должен был знать, что с силой машины ему не совладать, но он в бешеном виде пытался остановить их.

Плотно вцепившись в холодную ткань, я невыразительно уставился на него.

Простите, простите… Я подумал про себя, пока просто слушал звук машины, раздавливающую моего классного руководителя.

В этом несчастном случае не было ничьей вины.

Если же мне придётся сказать это, мой классный руководитель был застигнут врасплох.

Однако он умер. Он хотел подобрать какой-то мусор, упавший под сиденья, а когда он ударился, он застрял между рамой, поддерживающей сиденья и стеной, и был раздавлен до смерти. Мы не должны брать ответственность на себя.

Я не знаю причину, по которой кнопка аварийной остановки, которую нажал Акито, не работала. После того, как труп сэнсэя был осмотрен, когда инспекционная полиция проверила

его на месте, он сработал без проблем, и я услышал, что сиденья перестали двигаться.

— Вы не виноваты во всём этом.

Завуч, которая пришла в наш класс и объяснила обстоятельства, повторяла эти слова.

Именно. Не виноваты. Все учащиеся кроме меня.

Сэнсэй умер, потому что я избежал несчастья. Несчастье смерти, которое я должен был принять, в конечном итоге обрушилось исключительно на сэнсэя.

Завуч учла волнения школьников, и сказала нам, что завтра школу снова закроют, в заключение, повторив те же самые слова по новой и вышла из класса.

— … Нацухико. Если тебе станет лучше, мы можем вместе дойти до ж/д станции.

Приглашённый Акито, в уставшем состоянии, мы вместе пошли домой.

Акито был измотан. Настолько сильно, что он просто не мог больше улыбаться.

— С твоей рукой всё хорошо?

Я сказал в маршрутке, глядя на руки Акито, обмотанные бинтами.

Когда он попытался спасти сэнсэя, Акито поранил обе руки.

— Ага. Порядок. Они просто немного порезались, но не слишком грандиозно.

Его махание рукой как бы в шутку не несло в себе энергии.

Проведя какое-то времени в тишине, Акито сказал, пока он рассеянно смотрел в окно.

— … Он был хорошим учителем.

«Был», хотя он использовал прошедшее время, я чувствовал, что Акито не решался на это.

— Он хоть и был немного ненадёжным, но он был необычайно серьёзным.

— Ага…

— Но теперь… он умер.

Акито уставился на свою ладонь.

Если Акито и чувствует какую-то ответственность за смерть сэнсэя, то это моя вина. Это не просто смерть сэнсэя, страдание всех в моём классе, это также моя вина.

Моя грудь сжималась от вины. Да так сильно, что я чувствовал, как моё сердце может остановиться.

Но потом, в то же время, мне было страшно.

Акито знает. Тот факт, что несчастье распространяется на людей вокруг меня. Тот факт, что я приношу несчастье дорогим мне людям. Даже сегодня он, должно быть, заметил, что несчастный случай произошёл, потому что я избежал несчастья.

Может, Акито ненавидит меня. Это твоя вина, что сэнсэй умер, — он может ругать меня.

Я снова теряю мою поддержку, мне кажется, что я сейчас рухну…

Когда маршрутку тряхнуло, меня вот что удивило: я не мог разглядеть лицо Акито, что был рядом со мной.

Однако, прибыв на станцию, он показал лучшую улыбку, на которую был способен…

— Покеда, Нацухико. Увидимся завтра… или нет, увидимся на следующий день!

Он исчез в здании станции, махая рукой.

Внутри меня вина стала намного больше и намного тяжелее.

Предсказание будущего смерти… нет, вместо этого я должен назвать это смертным приговором.

Само собой, приговор близким мне людям, а не мне.

«Завтра в твоём доме вспыхнет пожар, и ты сгоришь до смерти. Убери старые журналы у входной двери»

Что-то это странно, — даже такого вопроса у меня не появилось.

Возможно, эти смертные приговоры, появляющиеся один за другим — это некая цена. Я чувствовал, что несчастье, которого я избегал до сих пор, вернулось ко мне после того, как я отскочил из одного места в другое.

Но я избегу даже огромного и большого несчастья, а окружающие меня люди понесут его, и оно превратится в ещё большее несчастье и снова ко мне вернется.

Бесконечно продолжающийся цикл несчастья.

Однажды, чтобы разорвать этот цикл, появится апостол возмездия и убьёт меня. Они накажут меня, того, кто продолжает обманывать.

Однако даже если это произойдёт, благодаря обману, которому я научился у богини, я смогу избежать этого.

Отвечая карте, я не переставая продолжаю избегать несчастья, цикл никогда не прекратится.

— … Ха-ха, ха-ха-ха.

А что, забавная мысль. Я смеялся над собственными мыслями.

На следующее утро я переложил журналы дедули у главного входа в свою комнату.

Наступила ночь, кохай из клуба был обнаружен как жертва убийства, мне позвонил бучо.

Спросив лишь дату похорон, я вернулся в свою комнату и перевернул карту.

Как будто это было нормально, появилось предсказание смерти.

Кольцо злодеяния продолжает вращаться.

Суббота и воскресенье, с другой стороны два выходных дня, утро понедельника.

Ступив в класс, я почувствовал, как взгляды моих одноклассников пронзили меня.

Я сел на своё место, думая, что это странно, — в девчачьей компании, что была поблизости я услышал, как одна девчонка шепнула «синигами» достаточно громко, чтобы услышать это. Когда я посмотрел на неё, она недвусмысленно отвернулась.

Всё так, я согласился.

Всего за одну или две недели моя девушка умерла, моя младшая сестра пострадала, а у людей, с которыми я был знаком, вспыхивали пожары, получали серьёзные травмы, были раздавлены до смерти, более того, последней темой стало произошедшее убийство. Как и ожидалось, они не должны знать о Дзиро Асаи, но если бы так много людей вокруг меня испытали несчастье, то ничего не поделаешь с появившимися слухами.

Во время выходных предсказания смерти также продолжались. В качестве цены, заботливая пожилая женщина в доме по соседству и мой дядя по материнской линии внезапно умерли. Я и сегодня не планировал умирать. А раз я планировал избежать этого, то кто-то ещё должен был снова умереть.

Всё так, я согласился в очередной раз.

Об этом можно и не думать, я, несомненно, был великолепным синигами.

Ими были не только мои одноклассники, я знал, что даже пока-что-помощник-временного-классного-руководителя отвечавшего за класс, откровенно избегал меня. По сути, единственным, с кем я разговаривал, был Акито.

Место, частью которого я был, исчезло.

Нет, правда в том, что у меня не должно быть его.

До сих пор не выбрасывая карту, я делаю людей вокруг меня несчастными. Если я не выбрасываю карту, меня не должны волновать другие.

Правильно. Я человек, которого здесь не может быть…

Уроки закончились, готовясь уйти домой, мой телефон зазвонил.

Звонили из таксофона. Подняв трубку, я услышал голос Момидзи.

— Дедушка потерял сознание.

Я закрыл глаза и поднял лицо к потолку.

После этого я глубоко вздохнул, а потом, когда я медленно выдохнул, я заговорил.

— В какой больнице?

— … В той же, куда отвозили меня.

— Хорошо. Я приеду прямо сейчас.

— … Правда?

— Да, на этот раз я правда приеду прямо сейчас.

— … Я буду ждать тебя.

Хотя это было по телефону, но я знал, что Момидзи сдерживала слёзы.

Я прибыл в больницу, Момидзи сопровождала медсестра в приёмной комнате.

Когда она заметила меня, она подошла на полной скорости, чтобы обнять меня, Момидзи приглушила свой голос и заплакала.

Медсестра сообщила мне, что он находится в отделении неотложной помощи. На скамейке в коридоре за дверью, там, сидела моя удручённая бабушка. Когда я увидел её, на мгновение она и фигуры родителей Соры, которых я увидел под полицейским участком, наложились друг на друга, я стряхнул их.

Моя бабушка не плакала. Вместо этого, с тоном, который пытался быть твёрдым, она объяснила детали того, почему дедушка был доставлен в больницу.

Дедушке 65 лет. Пусть обычно это и пенсионный возраст, компания, в которой он проработал аж с двадцатилетнего возраста, попросила его работать на полставки. В тот момент, когда он закончил какую-то сложную работу на своём рабочем месте, она сказала, что он внезапно рухнул. То, что сказал спасатель кажется невероятным — скорее всего это был инсульт.

Я и Момидзи сидели рядом с моей бабушкой и терпеливо ждали.

Вскоре, когда солнце начало садиться, из отделения неотложной помощи вышел доктор. Должно быть, это «операционная одежда», и вот с таким видом, на его лбу появился пот.

— На данный момент его состояние стабильно.

Когда доктор сказал это я, Момидзи и моя бабушка вместе глубоко вздохнули.

Всё моё тело напряглось, и теперь я осознал.

— После этого его переведут в отделение интенсивной терапии. Перед эти, если вы поторопитесь, вы ещё можете поговорить с ним, если вы хотите?

Но он всё ещё не в сознании, добавил доктор.

Бабушка посмотрела на Момидзи, и мне показалось, что она немного колебалась, но взяв меня за руку, я увидел, что Момидзи сильно кивнула, и суть, которую она хотела увидеть, была передана доктору.

Мы одели такую же операционную одежду, как у доктора, и пошли в отделение неотложной помощи.

Глядя на моего дедушку, лежащего на койке в хаотичной комнате, я с трудом мог дышать.

Его тело было привязано к машинам через какие-то трубки. У него был бледно-голубой цвет лица, он выглядел безжизненным. Так сильно, что я хотел спросить доктора рядом со мной, правда ли он жив? Признаками того, что дедушка был жив, были только сердцебиения, показываемые на машине, расположенной рядом с койкой.

С большим потрясением, Момидзи выглядела похожим образом, и прильнула к моей руке, из её ярко-красных плачущих глаз снова потекли слёзы.

— Дедушка…

Взяв руку моего дедушки, которая была такой же белой, как и его лицо, моя бабушка заговорила.

— Пожалуйста, вы точно снова его вылечите. Вы сможете это сделать…

Ответа не было. Однако пока моя бабушка улыбалась, она говорила.

Эта сцена искажена. Слёзы, должно быть, собирались и в моих глазах.

— Ба, с ним же всё будет хорошо, да?

— Да. С ним всё будет хорошо.

Она чётко ответила на плачущий голос Момидзи.

В глубине души я чувствовал себя пренебрежительно смеющимся, разве это не очевидно?

Правильно. У меня нет права плакать. У меня нет права утешать Момидзи.

В несчастье, которого я избежал, дедушка испытал несчастье вместо меня.

Кто следующий? Момидзи? Акито? Бабушка? Родители Соры?

… Кого я убью дальше?

Вина донимала меня.

Пока я слышал, как звук машины, которая поддерживала жизнь дедушки, стал далёким, я подумал.

Я больше не могу здесь оставаться…

Интерлюдия: Наша политика возмездия

Он ударил меня несколько раз.

Потому что я не выполнила свою роль.

Потому что я не убила этого мальчика, который убил её.

— Ты бесполезна.

Он навалился на меня.

Он бил по моей голове не кулаками, а кубком, которым он украшал свою гостиную.

— И это при том, что я сказал тебе убить его.

Я уверена, я слышала, что он получил его, когда он выиграл какой-то футбольный турнир.

— Убей этого лживого подонка.

Каждый раз, когда он опускал руку, моя кровь брызгала.

Брызги попадали на кубок, золотое покрытие, которое как бы означало триумф, закрасилось в красный.

— Даруй ему возмездие. Подходящее возмездие… смерти.

Невыразительно, он механически продолжал бить меня.

Не в состоянии исполнить свой долг, он со всей серьёзностью продолжал бить меня.

Интересно, кто из нас сломан.

Я, кого бьют. Он, кто бьёт меня.

Наверное, мы оба.

По его приказу я пыталась применить на нём возмездие.

Управляя всеми возможными обстоятельствами, связанными с мальчиком, я пыталась спровоцировать быструю смерть.

Но это не сработало.

Мальчик избегал всего этого, каждой смерти, которую я ему даровала.

Кто-то покрывал вероятность, которую я изменила, и мальчик продолжал держаться от смерти на расстоянии.

Кто бы это мог быть?

Как по мне, такие вопросы излишни.

Им может быть только один человек… нет, одно существо, которое превосходит мои способности.

Создатель.

Существо, которое живёт в этой «коробке», защищает этого мальчика.

У мальчика есть способность предсказывать будущее, — вот что он сказал мне.

Вне всякого сомнения, это способность, дарованная создателем. Поэтому она превосходит мои способности.

И пока он находится под защитой создателя, я не могу убить мальчика.

— Раз так, то убей и этого человека.

Он сказал. Оба его глаза сверкают огнём.

Самой интересно, смогу ли я убить существо, которое создало меня?

— Разве ты не можешь убить? Ты исполняешь мои желания, не так ли?

Его губы странно изогнулись.

Посмотрев на это несколько секунд, я наконец поняла, что он улыбается.

Нормальные люди не выражают такую экспрессию. Он тоже должен быть сломлен.

Грусть, от которой он до сих пор не исцелён. Ненависть к этому мальчику.

Те две эмоции, которые я не могу понять, похоже, сломали его.

Если это так, я должна исполнить его желание.

Его сердце не должно разбиться.

Подобно тем людям, чьи желания я уже когда-то исполнила, он не должен встать на путь разрушения.

Почему-то я подумала так.

Я подумала о том, о чём до сего момента никогда не думала.

Я чувствовала, что я, которая должна быть неизменной, изменилась.

Я… хочу исполнить его желание.

Я вошла в комнату, которую он дал мне.

Я надела свою чёрную мантию, как тьму, поверх одежды, которую он дал мне.

Я сняла свою резинку для волос, которую он дал мне и распустила связанные волосы.

Моё тело образовалось… в зеркале туалетного столика, который он дал мне.

Там, отражаемая в образе девушки, которая была похожа на синигами, стоя в одиночестве.

Я не помню, где находится создатель.

Однако, если я попытаюсь навредить мальчику, которого защищает создатель, скорее всего, она появится.

В любом случае, раз убить мальчика — его желание, то это не имеет значения.

Вновь подтвердив, что я хочу это сделать, моё тело выпрыгнуло из окна моей комнаты во тьму ночи.

Я существо, которое исполняет желания людей.

Просто, всего лишь вещь для этого.

И чтобы быть вещью для этого, я буду вещью, которая уничтожит создателя.

http://tl.rulate.ru/book/25167/742626